

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЦЕЛОСТНОСТИ И ТИПОЛОГИИ*

Н.К. МАТРОСОВА

Онтологическая интерпретация феномена целостности представляет ее как всеобъемлющую среду, в пределах которой происходит осмысление конкретных явлений мира. И потому обоснование целостности сущего может быть проанализировано на базе признания исходной целостности мира, выступающей в качестве основополагающего начала, неотъемлемой характеристики всего бытия.

В идеалистической интерпретации полнота и целостность мироздания рассматривались как порождение многообразия следствий духовной субстанции, которая задает упорядоченность миру и выступает постоянно действующей причиной. Многие исследователи сходятся во мнении, что целостность призвана выразить исходную гармонию бытия, она заложена в природе мира и не может быть создана. Ян Смэтс, основатель холизма, полагал, что целостность является результатом эволюции, направляемой нематериальными факторами. Для И.-В. Гёте в характеристике целостности понятие субстанции было снято, что оказалось созвучно идее Я. Смэтса. В отмеченном ключе развивал идеи целостности и К. Бэр, полагая, что любая упорядоченность не может обходиться без «направленности».

Представить онтологические основания целостности оказывается весьма затруднительным, ибо «чем глубже в целостность мы погружаемся, тем меньше можно отделить целостность от порождающего (“несущего”) ее Универсума»¹. Выделить онтологические основания целостности не представляется возможным, однако мы можем указать на отдельные характеристики «онтологической направленности», связанные с феноменом целостности. Характеризуя целостность, исследователи отмечают, прежде всего, ее непредикативный характер. «Конечно такое целое, которое выше отдельных частей действительности нельзя характеризовать какими-нибудь предикатами. Потому что всякий отдельный предикат уже будет нарушать природу целого»². Непредикативный характер целостности призван подчеркнуть ее полноту, характеризуемую как единство, взятое само по себе, как изначальное, гармоничное единство всех составляющих. Исследователи отмечают³, что целостность, определяющая всеобщее существование (метафизическая целостность), не является результатом логического обобщения и не может быть подведена под какой-либо знаменатель.

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Квалитативизм как онто-методологическая установка новой гносеологической стратегии», грант № 13-03-00386.

Она оказывается той исходной, пронизывающей все составляющие средой, вне которой невозможно существование предметностей мира. Исследователи сходятся в характеристике целостности как фундаментального свойства бытия, связанного с невозможностью ее разложения, дробления на составляющие, с невозможностью для нее передавать свою сущность частям. «Холистическое мышление это мышление системное, целостное, которое исходит из того, что целое больше суммы частей...»⁴ Целостность может быть рассмотрена как фундаментальный принцип организации всего материального и духовного мира. Но Универсум доступен нам в ограниченном виде и это делает актуальным обращение к вариантам «явленности» целостности.

Одним из вариантов проявления феномена целостности выступают типологические построения — формы осмысления сущего. Обращение к типологическим построениям как своеобразному проявлению онтологии целостности вполне правомерно. В.А. Смирнов отмечал, что конструирование новых понятий (в данном случае мы имеем в виду понятие «тип») и выявление содержащихся в них онтологических допущений — хорошее средство изучения проблем онтологии в целом. Он отмечал, что еще Кант «показал, что онтология как самостоятельная наука о бытии невозможна... Онтологические проблемы, несомненно, являются правомерными. Однако решаются они не в рамках натурфилософии и не методами, подобными естественнонаучным, а путем анализа познавательных процедур и категориальной структуры мышления»⁵. Подтверждением сказанного могут служить идеи онтологичности волшебной сказки, зафиксированные В.Я. Проппом как проявления целостности мифологического сознания.

И если рассмотрение онтологического начала целостности связано с наложением запрета на поиски «составляющих», то рассмотрение типологических построений немислимо вне определения в «частностях». Типологические построения, в отличие от целостности, характеризуются через предикативность, призванную раскрывать значимые характеристики типологизируемого. Вопрос о предикатах занимает существенное место в анализе проблемы типов. Одним из первых этот вопрос был рассмотрен К. Гемпелем⁶, указавшим на наличие многоместных предикатов в характеристике типа. Этот вопрос затрагивает и американский философ Ф. Соммерс, в работе, посвященной концепту «тип»⁷, также отмечая наличие предикатов в его характеристике.

В указанной работе Соммерс связывает проблему типов с онтологией, истолковываемой, как он пишет, как формальная онтология и не затрагивает прикладного аспекта проблемы типов. Он задается вопросом: какого рода обобщения интересуют специалистов по он-

тологии? Автор выделяет значимость обобщений типологического порядка, приводя в пример понимание типа Б. Расселом и Г. Райлом. Соммерс указывает, что каждый из авторов, затрагивающий проблему типов, вкладывает свое понимание в понятие «тип», что делает сложной задачу выявления их онтологического статуса. И если тип Рассела «может быть определен как набор всех и только тех вещей, которые охвачены одноместным предикатом»⁸ и потому его трактовка типа рассматривается как материальная, то трактовка Райла, по мнению Соммерса, скорее синтаксична, ибо «Райл, очевидно, использует “тип” как класс *выражений*»⁹, обладающий предикативностью.

Анализ онтологических оснований типологизаторских приемов вносит в их понимание ряд моментов. Прежде всего, мы сталкиваемся с тем, что само понятие «тип» употребляется в нескольких смыслах: как философская категория, отражающая качественное состояние социальных и природных целостностей и как определенная объективная данность, доступная созерцанию¹⁰.

Как показывает практика, типологические построения связывают два слоя реальности – слой предметно-природных объектов и слой логико-конструктивных форм их упорядочивания. Первый слой – предмет анализа так называемых «практикующих» типологов (археологов, этнологов, представителей естествознания), – для которых онтическое начало, объектно-объективная отнесенность типологизируемого не вызывает сомнения. Для таких типологических обобщений объективная реальность имеет основополагающее значение, вот почему вслед за А.Л. Субботиным мы можем отметить, что самым общим онтологическим основанием для многих систематизаторских приемов, к которым принадлежит и классификация, и типология, «является та особенность окружающего нас мира, которую английский физик Дж. Томсон назвал “принципом массового производства”. Это принцип-закон, выражающий тенденцию природы к постоянному повторению порождаемых ею образований»¹¹. Онтологическим основанием типологических построений может явиться реальность на уровне вещей, та природная и рукотворная множественность, которая и оказывается предметом типологизации.

Вторая позиция близка типологам-теоретикам, помещающим «тип» на уровень сконструированной абстракции. Эта позиция указывает на так называемую «таксономическую реальность», не требующую соотнесения с объективной реальностью и показывающую, что связь ученого с изучаемым им миром не носит прямого и непосредственного характера. В этом случае оказывается, что проблема реальности таксономических понятий – это во многом проблема методологического порядка, проблема противостояния метафизического «наполнения» понятий и позитивистской направленности мышления, проблема соотношения эйдетического и конструктивистского начал.

Многослойность типологизируемой реальности создает парадоксы. Порой даже в одной научной дисциплине онтологический статус типологизируемого интерпретируется различным образом. Известно, что археолог имеет дело с артефактами, свидетельствами материальной культуры прошлого, и это заставляет исследователя считаться с «исходной реальностью». Не случайно историки отмечают, что вещеведение выступает основным принципом указанной дисциплины. Но именно в отношении онтологического статуса артефактов возникают различные мнения. Исследователи задаются вопросом: «Обладают ли артефакты онтологической значимостью?»¹² Такого рода вопрос спровоцирован отличием артефактов от естественных объектов, связанным с заложенным в них функциональным началом, с их зависимостью от целей человека, что не позволяет говорить об их соответствии базисной онтологии. Такого рода интерпретация подрывает онтологическое основание типологических построений в археологии, поскольку исходный материал, подвергаемый типологизации, оказывается вне рамок онтологии.

В целом типологические конструкции археологии могут быть проинтерпретированы в свете установок радикального конструктивизма исходящего из того, что никаких «данных» вообще нет. Значимым оказывается и концептуальное сопровождение, логико-терминологическая составляющая. Фраза археологов «нет названия, нет и вещи» — не пустое словосочетание. Однако положение, связанное с тем, что «тип вещи... дает целостное представление о вещи; в таком определении выражен ее обобщенный образ, отстраненный от конкретностей»¹³, не зачеркивает первоочередной, «материальной» значимости реликтов.

История науки и философии дает нам своеобразные варианты восприятия, понимания и объяснения реальности. Так, исследователи пишут о Ключевской сопке, которая *есть* как объективная реальность, но после каждого извержения утрачивает прежний вид, превращаясь именно в «ускользающую» реальность. В этом случае онтологический статус природного явления может быть поставлен под вопрос, что оказывается особенно болезненным для природно-биологических типологизаций.

В современной науке культурно-исторический материал зачастую рассматривается как результат нарратива, истолкования, а культурно-исторические типологии предстают своеобразной моделью реальности, имеющей лишь косвенное онтологическое подтверждение. Вот почему рассмотрение онтологических оснований типологии в указанной области знания с неизбежностью возвращает нас к установкам конструктивизма, столь сильно изменившим познавательный ландшафт современности. Возникновение конструктивизма не было случайным. Неопределенность, фрагментарность явлений действительности провоцировала признание относительности и условности

объективной реальности. Это приводило к формированию познавательных конструкций, в которых реальность «создается», которые можно «выстраивать», преобразовывать, и, при необходимости, лишь соотносить с объективной реальностью. Произвольность принятия сущего, характерная для конструктивизма, погружает объект в познавательный контекст, задаваемый исследователем, а знание становится результатом гносеологических операций, когнитивной конструкцией, лишенной непосредственного онтологического статуса.

С полным правом мы можем отметить, что тип то выступает как призрак, видимый, но не реальный, то как реальность, не находящая логической объективации. Онтологическая двойственность типологических построений, приводит к тому, что они выступают единством данности и опосредованности, своеобразным вариантом воспроизводимой в теоретическом мышлении реальности.

Рассмотрение онтологических оснований правомерно вести через анализ атрибутивных свойств бытия. Опорными, в этом случае, являются такие исконные атрибуты бытия, как пространство и время.

Время имеет большое значение для типологических построений. История вопроса убедительно показывает, что типологические конструкции опираются на «ставшее», на то, что обладает «запасом прочности» и способно противостоять быстротечности и эрозии времени. Время выступает в типологических конструкциях как сдерживающее начало, нивелирующее процессуальность и помогающее в оформлении и выявлении значимых характеристик типологизируемого. Типологические построения отражают внутренне завершенное, «отшелушенное» временем, что и является важнейшим залогом успешности их создания и функционирования. И если ответить на вопрос, что такое время, значит ответить на вопрос, что такое изменение, то в типологических конструкциях мы сталкиваемся со своеобразным «безвременьем». Иначе говоря, типологические построения тяготеют к объектам, утратившим динамизм. Время, в котором «живет» тип — уже осуществленное прошлое. При этом мы сталкиваемся с различной «расположенностью» типологических построений во времени. Это может быть временная последовательность («общественно-экономические формации» Маркса), их генетическая обособленность с возможностью одновременного существования («культурно-исторический тип» Шпенглера), или последовательность без четкой преемственности («эпистемы» Фуко, достаточно близкие в своей логической сущности к типологическим конструкциям).

Пространственные параметры как важнейшие онтологические характеристики значимы для отдельных типологических построений. Прежде всего, это типологические построения в археологии и естествознании. В археологии типолог придерживается не только конвенциональных отношений, но и объективных данных, связанных с

протяженностью, объемом изучаемых объектов. На признании значимости пространственно-геометрических показателей в изучении археологических останков в формировании археологических типов настаивали многие¹⁴. Анализ артефактов неизбежно требует учета количественных показателей, мерности различного рода. Таковыми могут являться длина наконечника, диаметр венчика сосуда, его форма, изменчивость угла между клинком и рукояткой и пр. В естествознании принадлежность к типу связана с такими пространственными показателями как объем животных (особь типа беспозвоночных не может быть «со слона»), высота растения, величина листа и пр.

Кроме таких фундаментальных определенностей бытия как пространство и время мы можем выделить круг понятий, также раскрывающих онтологические показатели типологических построений.

Известно, что как научная, так и онтологическая достоверность, достигаются за счет выявления и учета количественных показателей и, в целом, принадлежности к точному знанию. Так, теория типов Б. Рассела построена с учетом теории множеств. Интерес представляет также возможность приложения теории нечетких множеств Л. Заде к типологическим построениям. Исследовательская практика показывает, что степень «типичности», связанная с выявлением качественной определенности анализируемого, может оцениваться количественно, ибо тип, во многом, — результат устойчивого сочетания существенных признаков. Вот почему использование количественных, статистических показателей, фиксирующих их повторяемость и распределение, оказывается значимым. Построение типа включает возможность учета качественных признаков на количественном уровне. В свете сказанного мы не можем не вспомнить о квантификации, измерении качественных признаков, которое позволяет утвердиться онтическому началу, ибо, как отметил Куайн: «Квантификация является способом вести речь об объектах вообще»¹⁵.

Использование количественных показателей заставляет вспомнить наметившееся формирование так называемой качественной и количественной математики, причем качественная математика, как полагают исследователи, оказывается ближе гуманитарному знанию¹⁶.

Яркий пример применения числовых показателей в формировании типологических образований мы находим в лингвистических построениях. Исследователи полагают, что количественным путем можно определить как степень участия какого-либо признака в структуре типа, так и степень соответствия анализируемого объекта какому-либо типу. С.В. Чебанов, характеризуя варианты обобщения, применяемые в лингвистике, отмечал: «Примечательным признаком являются размеры языковых и речевых единиц (слов, предложений, текстов и т.д.). Однако эти размеры измеряются в числе линейных единиц (фонем, букв, морфем, слогов и т.д.) или времени

звучания»¹⁷. Автор указывает, что одной из форм морфологии в языкознании является структурализация, в которой строение передается «через количественные параметры или иные константы»¹⁸. Кроме количественных показателей, исследователи проводят типологизацию на основе функционального начала. Ее мы встречаем в функциональной типологии А.В. Бондарко¹⁹.

В поэтике к количественным показателям обращались представители ОПОЯЗа, черпая вдохновение у А. Белого, прибегавшего к чертежам, схемам и числовым выкладкам в анализе языка. Представитель московского лингвистического кружка Б.И. Ярхо²⁰, проводя анализ структуры текста, применял статистику, полагая, что типологические характеристики зависят от языка цифр. В археологии «уплотнение» информации, способствующее выработке типа, также делает запрос на использование числовых показателей, что приводит к созданию статистических рядов (табличных и графических) где фиксируются показатели концентрации, дисперсии, частоты и отклонения различных признаков артефактов. В области биологии попытка создания естественной систематики, опирающейся на статистические данные, была предложена М. Адансоном еще в конце XVIII в. В биологии обращение к числовым показателям неизбежно, в частности, это имело место при установлении типа зонтичных.

В историко-культурологических работах «число» может приобретать характер определенного ограничителя. О. Шпенглер отмечал, что, опираясь только на созерцание и интуицию выявить культурно-исторический тип невозможно, ибо он определяется не только «идеями судьбы». В жизненном потоке, полагает Шпенглер, нужно отыскать опору, нечто ставшее. Хронология, «число», осмысленные, однако, вне рамок математического исчисления, становятся важными показателями. Не случайно О. Шпенглер пишет: «Средство для познания мертвых форм — математический закон»²¹. Мы можем также вспомнить К. Леви-Строса, своеобразно кодифицировавшего этнологические данные и создававшего математические модели в этнографии.

В настоящее время все согласны с тем, что использование количественных показателей, их точность, в приложении к тому или иному объекту позволяет прояснить его существенные характеристики. Однако мы должны помнить, что статистические, цифровые критерии, различные варианты измерения, лишь ассистируют в формировании типологических конструкций и не способны повлиять на качественную неизменность объекта. Используя количественные параметры важно избежать представления о том, что типологические построения — это некая статистическая «усредненность» и помнить, что чисто количественные типологии принципиально невозможны.

Практика типологических построений убеждает нас в том, что эвристичность типологизации — это не только результат «выверен-

ности» познавательных усилий типолога, но и показатель специфичности реальности, подвергаемой указанной процедуре. Мы отметили, что типологизация успешна в случае обращения к «устоявшемуся», лишенному динамичности материалу. Объекты, подвергаемые типологизации, обладают архаичностью, своеобразной статикой, что достигается «вынужденностью» типологизируемого из контекста актуальной жизни. Хотя говорить об исключительно «ретроспективной» направленности типологических построений было бы неправомерно, тем не менее, их познавательный эффект заметно снижается, когда дело касается объектов, находящихся в непосредственном генезисе, с еще размытой формой, несложившейся структурой, неразвернутым содержанием. Применение типологических приемов к объектам такого рода порождает риск, заключающийся в том, что самостоятельные явления могут быть истолкованы как мутации тех, что уже четко вписались в типологические схемы, или, исходя из аналогии, за типологически значимые характеристики объекта могут приниматься такие характеристики, которые в дальнейшем окажутся незначительными или даже случайными. Образно говоря, типология требует «зрелости» материала и оказывается успешной в применении к тем объектам, которые в своем функционировании постоянно воспроизводят отдельные структурные характеристики и отношения без существенных изменений. Отметим, что встречающийся термин «зрелая» целостность²², оказывается своеобразным подтверждением онтологического начала. «Дозреть» может укорененное в бытии, причем как в природной реальности (именно эту «предзаложенность» целостности имели в виду Г. Дриш и ботаник С. Вохтинг), так и в социальной (К. Маркс, М. Вебер).

Фиксация любой устойчивой компоненты в исследуемом материале тем успешнее, чем более она «предзадана» в исходном материале, когда исследовательская активность направлена не столько на выявление метаморфоз изучаемого, сколько на вскрытие в нем изначальной структурированности. В случае типологических построений мы склонны говорить об их естественной структурированности, когда исследователь не навязывает материалу того, чего в нем нет, а, используя соответствующие познавательные приемы, выявляет его качественные характеристики. Анализ типологических построений со всей убедительностью показывает, что типология успешна в тех случаях, когда исследователь, имея дело с завершившим свое развитие объектом, может, благодаря этому, легко вскрыть его объективно сложившиеся структуры. Эта внутренняя, а не привнесенная, структурность и является залогом выявления инварианта в форме типа.

Исследователи справедливо отмечают значимость онтологического монизма в рассмотрении мира. Однако неоспорим факт многомерности мира и, соответственно, множества форм описания реаль-

ности, возникающих в условиях современного научного познания. Реальность наделена различным статусом своего существования. Известно, что Э. Гуссерль и вслед за ним М. Хайдеггер выделяли так называемую региональную онтологию, связанную с основополагающими характеристиками отдельной дисциплины. И если целостность — характеристика всего бытия, то типологические построения могут быть осмыслены как познавательная процедура, соотносимая с региональной онтологией. Типологические построения являются междисциплинарным феноменом, а «осуществление комплексных междисциплинарных исследований и разработок означает работу с различными предметными онтологиями как с особыми знаниями и конфигурирование (синтез) их в единой теоретической картине, трактуемой как новая рабочая онтология»²³. И если особый онтологический статус целостности, связанный с неприемлемостью ее делимости был отмечен, то конкретные проявления, ориентированные на целостность, могут истолковываться как целостности сущего, как реализация данности предметного мира.

Исследователи отмечают способность переходить в процессе типологизации от традиционных представлений о предмете анализа к выделению его новых качеств, а также к созданию особого слоя исследуемой реальности. Значительной проблемой для многих дисциплин, обращающихся к типологизации, является проблема соответствия логического статуса таксономической единицы (типа) и ее онтологического статуса²⁴. Своеобразное преломление онтологической проблематики применительно к типолого-таксономическим построениям мы находим в биологической практике²⁵, где таксоны, и в их числе тип, рассматриваются как следы (куматоиды) филогенетических событий, что приводит к выработке так называемой куматоидной онтологии. Ее появление связано с признанием биологами неоднозначности и сложности понимания онтологических оснований таксономии. Противоречивость трактовок в указанной сфере очевидна. Представители естествознания справедливо отмечают, что понимание реальности таксонов могло бы удовлетворить сторонников типологической концепции биологической систематики, но вызвало бы скепсис у сторонников позитивистской линии.

Куматоидная (волнообразная) онтология заставляет обратиться к противоречивым понятиям дискретности и континуальности в анализе мира. Противоречие может получить разрешение за счет создания конструкций, нацеленных на выражение целостного, хотя и обособленного состояния бытия. Неоднородность и хаотичность бытия обладает устойчивыми компонентами, что позволяет вырабатывать формы упорядочения природной и социальной действительности, среди которых мы выделяем типологические построения. Конструкции такого рода оказываются своеобразной объективацией

континуальности мира, они объединяют дискретные явления, образуя единство, а их эвристичность связана с полнотой реализации в них принципа целостности. Они выступают своеобразной «паузой» вбирающей дискретность, но при этом создающей единство. Эти «волны» проявления целостности были отмечены И.-В. Гёте, указавшим, что когда целое обнаруживает себя, оно с неизбежностью указывает на все остальное. И, несмотря на то, что типологические конструкции обладают определенной «отрешенностью» от действительности, мы можем говорить о «наделенности» бытием каждого типологического построения.

Рассматривая проблему типов, Ф. Соммерс указывает на значимость транзитивности. Он отмечает несовершенство типов Рассела и Райла именно в силу отсутствия транзитивности в истолковании типа, которая делает познавательный прием инструментом долгосрочного пользования во всем пространстве типологизируемой реальности. Вот почему «для отношения “есть того же типа” необходимы понятия типа, которые сохраняют транзитивность»²⁶. Отсутствие транзитивности понятия/приема в приложении к исходному материалу свидетельствует о шаткости его научного статуса. Витализм, понятие флогистона служат подтверждениями сказанному. Исторически обусловленный характер их использования, «несрабатываемость» в отношении близких им природных явлений свидетельствуют об их непринадлежности научному познанию. Свойство транзитивности, присущее типологическим обобщениям говорит о высоком познавательном статусе, ибо известно, что одним из показателей научности познавательного приема является «проходной» характер его концептуального содержания в приложении к конкретному материалу. Действительно, если мы говорим о биологическом типе, мы должны четко придерживаться выявленных природно-биологических показателей, которые обязаны иметь сквозной характер в отношении всего материала, подпадающего под тот или иной биологический тип. При этом исходные константные логико-содержательные характеристики типа, сохраняя свою неизменность, получают дополнительное содержательное насыщение в приложении к конкретному материалу. С такой ситуацией мы сталкиваемся, в частности, при рассмотрении исторического типа общества, зафиксированного в понятии общественно-экономической формации. Понятие способа производства, положенное в ее основание, сохраняет свои структурные показатели, однако приобретает содержательное обогащение при переходе к новому историческому периоду. Транзитивность понятия «тип» служит показателем его когнитивной эффективности, способности обеспечивать связь исходного константно-концептуального содержания и приращенного знания, приобретаемого в ходе практического применения типологической конструкции, объединяя их в

одну содержательную целостность. Подтверждение сказанному мы находим в работе У. Эко. И хотя он отмечает проблемы, связанные с онтологизацией структур, приводимые им рассуждения вполне приемлемы для анализа типологических построений, тем более что структурированностью обладает любой тип. «Итак, ошибка онтологизации структуры заключается не в том, что разрабатываются константные модели... Ошибка в том, что пресловутые константы полагаются единственным предметом и последней целью исследования, его конечным, а не отправным пунктом. Располагать гипотезой *того же самого*, чтобы подступиться к тщательному изучению *различного*, это не значит онтологизировать структуру. Онтологизировать структуру — это значит, опустошая запасники *различного*, всегда, везде и с полной убежденностью в своей правоте открывать *То же самое*»²⁷. Приведенная цитата указывает на методологическую ценность константной модели, связанную с ее приемлемостью в отношении «различного».

Итак, если общепринятой позиции в отношении онтологических оснований целостности нет, то ее своеобразным проявлением служат типологические конструкции, демонстрирующие способность принимать в себя различные способы бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Васильев Г.В., Келасьев В.Н. Самоорганизация целостности: психо- и социогенез. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 114.

² Лосев А.Ф. Вл. Соловьев. — М.: Мысль, 1994. С. 5.

³ См.: Катречко С.А. Как возможна метафизика: на пути к научной (трансцендентальной) метафизике // Вопросы философии. 2012. № 3.

⁴ Князева Е.Н. Эволюционная эпистемология на перекрестках развития // Эволюционная эпистемология: современные дискуссии и тенденции. — М., 2012. С. 18.

⁵ Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. — М.: Наука, 1987. С. 132.

⁶ См.: Hempel K. Logic Methodology and Philosophy of Science. — Amsterdam, 1973. P. 254.

⁷ См.: Sommers F. Types and Ontology // The Philosophical Review. 1963. Vol. 72. № 3 — 4.

⁸ Ibid. P. 329.

⁹ Ibid.

¹⁰ Своеобразным подтверждением сказанному служат упреки Ж. Гурвича М. Веберу в том, что он создал абстрактный идеальный тип, тогда как для Гурвича тип — конкретная реальность.

¹¹ Субботин А.Л. Классификация. — М., 2001. С. 18 — 19.

¹² Бейкер Л.Р. Онтологическая значимость артефактов // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVIII. № 2. Онтология артефактов. Взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира. — М.: Дело, 2012.

- ¹³ Шапова Ю.Л. Вещеведение. – М., 1997. С. 17.
- ¹⁴ См.: Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. – М., 1989.
- ¹⁵ Куайн У.В.О. Слово и объект. – М., 2000. С. 274.
- ¹⁶ См.: Guilband G. Mathématiques et sciences sociales. 3-e colloque interdisciplinaire. 1959; Levi-Strauss C. Les mathématiques et les sciences sociales. Vol. 6. 1954. № 4.
- ¹⁷ Чебанов С.В. Логико-семантические основания классификаций в лингвистике: автореф. ... докт. фил. наук. – СПб., 1997. С. 33.
- ¹⁸ Там же. С. 8.
- ¹⁹ См.: Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л.: Наука, 1983; Функционально-типологические проблемы грамматики / отв. ред А.В. Бондарко. Ч. 1. – Вологда, 1986.
- ²⁰ См.: Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения // Ярхо Б.И. Избр. труды. – М., 2006.
- ²¹ Шпенглер О. Закат Европы. – М., 1993. С. 129.
- ²² См.: Леске М., Редлов Г., Штилер Г. Почему имеет смысл спорить о понятиях. – М.: Политиздат, 1987.
- ²³ Марача В. Онтологическое мышление с методологической точки зрения // Наука: от методологии к онтологии. – М., 2009. С. 244.
- ²⁴ См.: Зуев В.В., Розова С.С. Проблема способа бытия таксона в биологической таксономии // Вопросы философии. 2003. № 3; Леренц К. Историческое знание и историческая действительность: в защиту «внутреннего реализма» // Личность. Культура. Общество. Т. XIV. – М., 2012.
- ²⁵ См.: Зуев В.В., Розова С.С. Проблема способа бытия таксона в биологической таксономии.
- ²⁶ Sommers F. Types and ontology. P. 330.
- ²⁷ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Петрополис, 1998. С. 384.

Аннотация

Статья рассматривает возможность онтологических оснований целостности и онтологические модели типологических построений. Отмечено значение целостности для анализа типологических построений. Показана многослойность типологизируемой реальности, позволяющая обратиться к различным онтологическим интерпретациям типологии. Рассмотрены пространственно-временные основания типологических конструкций в определенных разделах знания.

Ключевые слова: целостность, типология, реальность, транзитивность, пространство, время.

Summary

The article analyses ontological possibility of wholeness and ontological models of typological constructions. We note the meaning of wholeness in analysis of typological constructions. We point out the polysyllabic reality of typology which gives permissions to turn to different ontological interpretations of typology. The article examines the temporal and spatial basis of typological constructions in specific knowledge areas.

Keywords: wholeness, typology, reality, transitivity, space, time.